

М. Росси, 1986, 22 апр. (34)

ЭТИМ ДЫШУ

И

ВСАДУ у дома Анатолия Вениаминовича Калинина одна из тропинок — давно и хорошо протоптанная — ведет к деревянному столу под шелковицей. Здесь с первых теплых весенних дней и до последних солнечных осенних его «применная». И приходят сюда и приезжают люди из мест, география которых значительно шире «ведомственного» округа. Каждый день ложатся в почтовый ящик конверты. То учительнице музыкальной школы Усть-Донецка уже семь лет не дают квартиру. То незаконно сгоняют с пасек пчеловодов, а ведь они не за себя радуют — за район, где еще не стало пчеловодства традицией... Это — письма одного дня, когда я приехала в Пухляковку. И тогда же услышала от Калинина: «О литературе говорить не будем. Теперь многие писатели облюбовали дощатые и каменные трибуны. Забыли, что наша единственная трибуна — литература. Все читателю ясно — кто и как пишет».

Читателям, давно полюбившим его Дарью Сошникову и Будудай,

холмов, заросшие боярышником и шиповником. Красивее их, мне кажется, и нет... В степь, которой не надыхнешься... Боюсь даже власть в сентиментальность. Но знаю точно — без них не смог бы писать. А сомневался: не перерастет ли эта влюбленность, невозможность жить где-либо еще в своеобразную замкнутость, даже ограниченность. Но в прошлом наших мест кое-что находил в утешение.

Этот древний казачий хутор «присущий» немало людей. Скинулся здесь с палитрой замечательный русский художник Иван Иванович Крылов. Бывал В. И. Суриков, когда писал в станице Раздорской этюды к «Покорению Сибири». В Раздорской рождался и прекрасный роман А. С. Серафимовича «Город в степи»... А сама станица Раздорская, первая столица донского казачества, — отсюда в шести километрах. Хутор наш принадлежал когда-то к ее юрту. Знаете это слово? Так назывались тяготеющие к большой станице хутора. Теперь сказали бы — спутники...

Раньше весь этот крутой пра-

ны большой культурой! Библиотека, деревенский клуб — их сегодня уже мало. У нас несколько лет была музыкальная школа. Результат я просто слышу. Идешь вечером по хутору, и из окон доносятся звуки скрипки, аккорды Чайковского из-под пальцев маленьких пианистов. Или старательно разучиваемый неумелой еще рукой этюд Черни... Казачки, казачки своим детям курили пианино, да еще в очереди! Подросли дети тех, кто нес в себе всю жизнь народную песню, не зная — по старому времени — ни рояля, ни скрипки. И дети продолжают музыкальную традицию в иных — классических — формах. Народное, сызмальства впитанное, должно непременно смыкаться с высоким искусством. Само дело показало, что одной музыкальной школы не хватает. Не только игре на музыкальных инструментах надо учить, но и пониманию музыки, навыкам изобразительного искусства. Нужно широко, пусть и начальное, эстетическое образование. И год назад музыкальная школа была преобразована в центр эстети-

— по пьесе В. А. Соллогуба. (Первый был по рассказу Шолохова.) А заезжий концерт — лишь эпизод. Процессу эстетического воспитания должны прежде всего служить «средства» массовой информации. И радио, и телевидение обязаны каждой передачей утверждать высокие критерии духовного. Всех конкретных путей я не знаю — это дело профессионалов.

— А какой вы видите роль литературного слова?

— Пусть это первоначально покажется странным, но в духовном упрощенчестве, даже оскудении — большая вина литературы. С этой проблемой связаны и ее большие задачи. Соррокалетняя жизнь на хуторе убедила меня, что у всякой культуры — природная основа: любовь к красавцу Дону, уважение к земле, на которой вырос. Отношение к этому изначальному выражается в семье. Именно там закладываются основы будущей культуры. Но в том-то и проблема, что в нашей литературе понятие семьи на многие

Если все — своими руками, честным трудом, то и человека с места, с земли не сдвинешь. До сих пор прав Маяковский — слишком «для веселья планета наша мало оборудована», чтоб можно было об этом забыть. И если люди строят дома, обзаводятся необходимым — я лишь радуюсь.

И уже не только как писатель, а как депутат считаю, что индивидуальное строительство — сегодня основа основ устойчивой сельской жизни. А у нас те же стройматериалы очень дорогие. Нужно удешевить все: и стекло, и бревна, и кровлю. Государству это только выгодней, и не надо будет вкладывать дополнительные средства в строительство жилья. Люди сегодня способны строить на свои сбережения, будут строить, и тогда уйдет в прошлое бич временного. А это корни и, если хотите, решение многих культурных, нравственных проблем.

Только что я ездил по колхозам — время хорошее, венчающее год. Помню, хутор Дубрава, замечательный в прошлом, считался бесперспективным. Начали строительство, ведут дорогу, и — потянулись люди, уже 30 семей приехало. Маленькая, но победа! В колхозе «Россия» осталось на селе 25 молодых механизаторов. Раньше, окончив школу, обязательно уехали бы, а теперь, когда появляются условия, более или менее отвечающие запросам молодежи, начинают оставаться.

Запомнилась эта поездка по степи. Радостно было видеть, что люди обретают просторное, глубокое дыхание. Стали строже выискивать с себя. Прекратились пьянки. Мы об этом говорили и с председателями колхозов, и с агрономами, с комбайнерами, да ведь и так, все видно. Раньше как бывало? Остановится комбайн в холодке, комбайнер тут же у колеса выпьет. Торопиться куда-то. Сейчас подъехали мы на машине к кромке поля, выхожу, а ко мне подходит комбайнер и чуть ли не за грудки трясет: «Почему целый час стою с полным бункером хлеба? Где машины?..» Глаза полны гнева. Ему все равно: на легкой машине подехал — значит, начальство, значит, отвечаешь за неполадки. И правильно. Интересно стало работать, и как это важно — когда интересно. Только бы не превратилось все это в очередную кампанию, не угаšlo бы. Очень уж у людей бесстрашное настроение, по делу бесстрашное, с большими надеждами связанное. Не простят они нам, если все вернется на круги своя.

— За шесть депутатских сроков вам пришлось решить множество хозяйственных, человеческих проблем. Вижу, что каждый ваш день занят этой работой. Помогает ли она в собственном литературном творчестве?

— Писатель, хочет он этого или нет — всегда на пересечении дорог и тревог, в круге всех проблем. И когда человек начинает писать, серьезно, с болью, он уже само собой становится депутатом, пусть даже и не упомянутым «официально». А писатель-депутат — это двойник ответственно. И что ни человек, пришедший к тебе, что ни письмо — судьба. Поневеле «впадешь» в чужие жизни и проблемы. Вот один только пример. Я написал «Цыган» — короткую повесть, не очень хитрую, во многом связанную с моими детскими впечатлениями. А потом, когда от меня отделился Будудай, он «зажил» самостоятельно и стал интересоваться мной, я должен был «искать» его. Встречаясь с людьми, выслушивая их житейские истории или занимаясь проблемами землепользования, благоустройства станиц и хуторов, как-то незаметно подсеивал к судьбе Будудая судьбы тех, кто «впадал» в мою «депутатскую дорожку». Они омывали тему, расши-

рили ту дорожку, по которой ушел от автора Будудай. Так пришли ко мне цыганка Шелоро, лесничий Ожогин, комиссар Донского корпуса Привалов...

— Анатолий Вениаминович, вам не раз приходилось выступать в защиту Дона, донской степи, этой нашей сокровищницы...

— Но сейчас мне не хотелось бы говорить об этом. Я сорок лет писал, тема, что называется, приросла к сердцу, и отдираешь корочку от рубцов нелегко. К руководству в Ростовской области пришли новые люди, итересные люди, и мне хочется, чтобы они тоже сердцем прониклись этой болью. С тех пор, как построен Волго-Донской канал, многое ухудшилось по берегам Дона. Я уж не говорю о том, как они застраиваются безобразными железобетонными конструкциями, бесконечными базами, лагерями... Пропадает пейзаж, сама волна донского берега. А ведь каждый остров, каждая верба, каждая красноталинка — не только природная, но и эстетическая ценность. Личная ценность каждого человека. Охрана Дона, его экологическая чистота — явления культурного порядка. Дон — это наша духовность.

— Анатолий Вениаминович, вы бывали в Пухляковской средней школе, встречаетесь со школьниками, педагогами. Уроки литературы по произведениям Шолохова, — мне говорили, что вы провели их на пухляковских склонах, — не единжды демонстрировались по Центральному телевидению. Жалею, что не видела этих передач. Как вы относитесь к преподаванию литературы в школе? Не кажется ли вам — существует опасность, что вырастает поколение, умеющее обращаться с компьютером, но не способное понять душевную боль? Ведь эту способность воспитывает именно литература.

— Мне понятны такие опасения. Пути школьной реформы еще ведь не изведаны. Но утилитарную тревогу может лишь решение сохранить в школьной программе классическую основу. Она ценительна для детских душ. Единственно она — я включаю сюда и достижения советской литературы — способна воспитать человека человеком. Но ведь и классическая основа рождается не в умах литературоведов, а кристаллизуется сама. Когда кого-либо включают в нее насильственно — она отторгает чуждо. И «легкислиску» это не поможет. Или когда говорят: «Этот — не классик» — изменить историю литературы такие меры тоже не могут. На наших глазах это происходило с Николаем Гумилевым, Андреем Платоновым и другими. Время само произвело отбор. Читатели выбирают — к кому тянутся, от кого отворачиваются. Но детям можно подсказать, и я всегда стараюсь на встречах со школьниками просто назвать тех, чьи книги должны быть «под подушкой». Прежде всего — Пушкин. К нему все прирастает, и все будет истинное. Нельзя миновать Пушкина, не прочтешь его по-настоящему, любя и понимая. А в программе ему «уделено» так мало часов... Пробрудить любовь к Пушкину за такой ничтожный срок могут лишь педагоги с большим талантом. А это редкость.

Я сам из учительской семьи. Отец преподавал историю и географию, мать была русисткой. Я помню, как дома они читали нам Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Толстого — вслух. Вечерний круг от керосиновой лампы очерчивал нечто такое, что потом всю жизнь освещало и согревало душу. Хорошо, что сейчас много идет литературных передач по радио, но в их мало. Чтение — и дома, и в школе — лучший способ преподавания. Не «проходить» Пушкина, а читать его. Одна строка может зажечь огонь в детской душе, и пойдет она потом по этой тропке дальше — к большой литературе, искусству. К жизни.

— Анатолий Вениаминович, я вижу в вашем доме пианино, пластинки с записями классической музыки.

Одним из неназванных героев вашего романа «Гремита, колокола!» стала музыка. Как складывались ваши отношения с ней?

— Не мог бы прожить без музыки! Для меня она — высшее искусство, смыкающееся, может быть, лишь с поэзией. Как дилетант я действительно пытался объяснить свое отношение к ней, признаться ей в любви в романе «Гремита, колокола». Но это лишь прикосновение. А музыку у нас в семье очень любили. Она вошла в мою жизнь вместе с песней. Пели отец с матерью — в два голоса. Дед пел в Новочеркасском казачьем хоре, у него был глубокий, густой бас. Приглашали его в Мариинский театр, но он отказался уезжать с Дона. Так что мой «музыкальный патриотизм» — с давними корнями.

Но классической музыке я учился заново у своих детей. Старшая дочь Люба закончила Гнесинский институт, младшая Наташа пишет о музыке. В нашем доме она звучит постоянно. Теперь играет внучка. Музыкой живут все, и порой мы даже спорим — пристрастия различны. Но Глинка, Чайковский — остаются всегда.

Не мог бы представить себя и без изобразительного искусства. Раньше, когда я чаще бывал в Москве, не пропускал ни одной выставки в Третьяковской галерее, Пушкинском музее. Сейчас общаюсь больше с альбомом... Но здесь, на хуторе, живу художники, москвичи и ростовчане приезжают на лето писать донские пейзажи. С многими я дружил и дружу — люблю работы Василия Нечитайло, Игоря Фролова, Семена и Людмилы Скопцевых. Еще раз хочу поклониться Марии Савченковой, которая вложила столько души в создание нашей картинной галереи.

И вообще, известное утверждение, что искусство преодолевает языковые и национальные барьеры, что оно не подчинено границам государств, — не пустые слова. Я убеждался в этом не раз. И сегодня, когда обстановка в мире так сложна и мы не знаем — останется ли веками созданное богатство человеческой мысли нашим детям и внукам, и все кажется особенно и неповторимо ценным, я твердо убежден — мы никогда не забудем, не должны воевать с американским народом. Утвердился в этом не только после Победы, но — окончательно, слушая в Москве Вана Клиберна. Да, да, я был на всех его концертах у нас, познакомился и даже полетел с ним в Новосибирск. Он сам и его музыка создали у меня то впечатление о настоящем американце, которое так близко и дорого сердцу нашего народа. Все самое хорошее как бы сгустилось в его образе. Помните, недаром вся Советская страна пришла его к сердцу. Россия стала второй родиной его музыки.

Даже в самые трудные годы войны, когда мы отступили до Сталинграда и предгорий Кавказа, я верил в силу человеческого духа. И остался с этой верой. Установить отношения полного доверия между странами, не поступаясь нашими принципами и убеждениями, необычайно сложно. Но чувство мира, ограниченное для всех — и русских, и американцев, и других народов, — обязательное восторжество. Верю в него.

— Анатолий Вениаминович, что у вас впереди?

— Каждому, кто пишет, кажется, что впереди — главное. Всегда есть ощущение невысказанности о несказанном. Оно неизбежно, и оно всегда живет на страницах уже написанных книг. Оно есть за полями любого литературного произведения. И разве на главное — всю жизнь приближаться к берегу, на котором тебя ждет единственное и неповторимое, несказанное...

Беседу вела
Наталья
ТРОПОЛЬСКАЯ,
специальный корреспондент
«Литературной России»
хутор ПУХЛЯКОВСКИЙ,
Ростовская обл.

Анатолий КАЛИНИН:

«Воспитать человека человеком»

Анатолий КАЛИНИН. 1986 год.

Фото Г. КОПОСОВА

его Антонину Каширину и Клавдию Пухлякову, действительно ясно, как и о чем пишет Калинин. Сейчас, на пороге 70-летия, Анатолий Вениаминович говорит: «Жизнь вокруг — материал, которого мне хватит на все оставшиеся годы. Вы думаете — писатель выбирает тему? Нет, это тема выбирает того писателя, который ей нужен, сама требовательно стучит в его окно. Она лучше знает своего — единственного автора».

— «Жизнь вокруг» — это, наверное, прежде всего хутор Пухляковский, где вы живете с 1946 года? Здесь почти на каждой улице можно найти дома ваших героев...

— Конечно, сорок лет жизни здесь — своеобразный итог. И все же сразу хочу предупредить — не надо судить. Знаете, когда только появились «Тихий Дон», раздался голоса — «областная литература». Но как же можно замыкаться в границах хуторского, станичного, областного? Что за размышления «местного масштаба»? Я думаю, что нашей литературе не знания жизни не хватает — оно-то как раз есть, но не хватает общения. Или вымысла — того, над которым «слезами обольюсь». Более всего в работе писателя люблю фантазию. Конечно, не отталкиваясь от земли от реального, писатель не поднимется высоко, чтобы взглянуть на жизнь с крыла так называемого воображения. И в этом смысле вы правы: моя опора, мой разбег — эти края. Я одно время даже начал бояться своей привязанности к ним. Влюбленности в них. В Дон, который ворочается за моим окном как живой — то бьется в берегах, то ласкается к ним. В эти несравненные склоны, морщины

авый берег Дона был «курчавым» от виноградников — знаменитой «Донской чаши», которую, увы, сейчас почти не увидишь. Хутор был старинным донским центром виноградарства, сюда всегда сходились пути многих людей. По виноградной лозе, ее почкам можно прочесть всю историю Дона — из какого ратного похода привезли казаки в переметных сумах тот или иной чубук, кто насаждал виноград — начиная с Петра I... Преклонение перед землей, взрастившей прекрасную лозу, вошло в кровь. И по нашей донской песне можно читать как по летописи. Она полифонична, многоголоса и созвучна характеру той ветви русского народа, что жила на перидонских оборонных рубежах Руси. Казачество вобрало в себя множество людских притоков, и они перекипели в горячем котле, сказались в хорошей, гордой, независимой душевной стати. Отвага, бесстрашие, честность, презрение к любому предательству — все есть в песне. Думать, что это ушло навсегда, — неверно. Многие остались даже в укладе жизни. А судьбы! Я убежден, что жизнь каждого без исключения человека — и рассказы, и повесть, и даже роман. И мой хутор с его историей, колоритом, людьми — как полная капля, в которой можно разглядеть море. Не мыслю себя без этой своеобразной и прекрасной древней культуры...

— Вы заговорили о веками складывавшейся культуре Дона. Но хватает ли ее, постепенно сходящей, сегодня? Как совместить местную — малую и большую — всей страны — культуры?

— Хочется, чтобы люди, живущие здесь, по берегам Дона, с детства знали народную песню, фольклор, не были обделе-

ческого воспитания молодежи, в школу искусства.

Нам помогает Союз художников РСФСР, прежде всего — председатель правления Сергей Петрович Ткачев. В Москве художник Мария Владимировна Савченкова отбирает произведения для картинной галереи — их уже более трехсот, прекрасных полотен, листов графики, скульптур... Ни в коем случае не должна наша картинная галерея быть провинциальной в дурном смысле, нужны действительно серьезные образцы искусства. В том и задача, чтобы привить с детства самые высокие эстетические критерии, разбудить в человеке не только потребность, но и требовательность к духовной пище. Наш центр эстетического воспитания — отнюдь не школа будущих гениев. Но — убежден — музыкальная и живописная грамота может быть и должна быть постигнута каждым. Когда к нам приезжали специалисты, оказалось, что все без исключения дети прекрасно «слышат» и понимают искусство. Надо учить и учить. Это принципиально важный вопрос общей культуры — эстетическое воспитание, особенно в малых городах, поселках, деревнях. Займемся мы им и взрослые потянутся!

Сейчас, когда торжествует телевизор, я, радуясь этому, одновременно очень этим огорчен: необходимо телевизионное средство обратиться по пользу. Одним картинные галереи и школы искусства тоже не спасут. Мало надежды и на успех выездных концертных бригад — страна большая, и для нас это не выход. На хуторе теперь есть свой театральный коллектив, он репетирует уже второй спектакль

годы было забыто. Даже возник этаким холодок презрения — «семейный роман», «бытописание»... Выводата сумма обстоятельности. Жизнь пришла в движение, и на дорогах этого движения было порой не до семьи. Не успевали, что ли? Возникло странное противопоставление — сперва производството, а уж потом семья. Как буд-то производството может существовать без семьи, где закладываются духовные азы человека! Раскачивание семьи, разбредание ее страшно отразилось на детях. Честь и хвала будет тем писателям, кто поднимет в своих произведениях эту проблему, восстановит престиж семьи. И не потому, что это становится «модной» темой. Разве мы отказались от идеалов? Разве женщины не прекрасны, а мужчины — не воплощение мужества и честности? И разве постыдно великое уважение к родителям?

Я не хочу теперь во всем обвинять критику, приписывая ей и эту вину. Надо пенять на себя. Но и критике нужно меньше надуть губы при виде «семейного» романа, «бытовой» повести. Страсти, бушующие в семье, переходят семейные границы, вливаются в поток общественной жизни.

И не надо путать заботу о быте, к которому обычно «привязывается» критика, с «вещизмом». Совершенно разные явления. Я даже слово это не люблю — «вещизм!» Оно слишком просто, чтобы объяснить трагедию духовного омешивания, паразитизма. Но ведь когда человек создает хороший дом — как прекрасно написал об этом Федор Абрамов! — надо, чтобы и дом был Вещь в самом большом смысле этого слова. Строя дом, человек думает о корне жизни.